

1926-1927 годы: судьба Введенского женского монастыря и его общины

Начало 1926 года в судьбе Введенского женского монастыря было обнадеживающим. На заседании президиума Тихвинского Уездного Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов, которое состоялось 8 января, вопрос о бывшем монастыре рассматривался восьмым пунктом. Постановление было таким: «Президиум не возражает против открытия Введенского монастыря и передачи Древне-канонической общины».

12 января в административный отдел Череповецкого ГИКа были высланы копии актов осмотра зданий Введенского женского монастыря, а также копия выписки из постановления президиума Тихвинского УИКа от 8 января. В сопроводительной записке пояснялось, что ходатайство общины об открытии Введенского женского монастыря было вызвано необходимостью, так как «имеющиеся в ведении Тихоновцев две городские церкви (Полковая и Пантелеймоновская) и монастырь Николая Беседного, находящийся от города в трех верстах, удовлетворить нужд верующих в полной мере не могут».

Подтверждением этому служили статистические сведения, высланные ранее по запросу губернского прокурора от 31 декабря 1925 года сначала 14 января в адрес президиума Череповецкого ГИКа, а затем 9 февраля в адрес самого прокурора. В соответствии с ними, в ведении чуть более 800 обновленцев было 11 тихвинских храмов, в то время как на 2123 «тихоновца» приходилось только, как следует из вышеприведенной записки, 4 церкви, две из которых находились за чертой города в Николо-Беседном монастыре.

Кого община выбрала священником, пока неизвестно. Бывший настоятель Введенского монастыря Николай Васильевский в это время снова находился под судом. Об этом мы узнаем из записки в дневнике тихвинской учительницы А.Л.Остроумовой, муж которой 17 января 1926 г. присутствовал на заседании суда, где в качестве обвиняемых были «Дорохоты из Боровичск. уезда, Стручков из Тервенич, Соболев из Колбик и Васильевский».

Общину древне-канонической Церкви при Введенском монастыре, видимо, в начале 1926 г. все же зарегистрировали, но сам монастырь как юридическое лицо прекратил свое существование. Большинство насельниц покинули его стены. Одни нашли уют и работу в городе, другие уехали в свои родные края.

Через год, 27 мая 1927 г., президиум Тихвинского городского совета направил в музейный отдел Главнауки ходатайство о целесообразном использовании территории и зданий бывшего Введенского женского монастыря. В отношении бывших церковных зданий, которые к тому времени были закрыты, сообщалось, что они как памятники старины и искусства не представляли собой никакой ценности, поэтому их планировалось использовать под школы. Предлагалось ликвидировать и кладбище, так как находившиеся там памятники были полуразрушены и кладбище в целом имело «крайне неблагоустроенный вид». Горсовет просил разрешить убрать памятники в целях их сохранения, а место расчистить для увеличения площади двора.

Музейный отдел Главнауки по данным, полученным при обследовании Введенского монастыря заведующим Государственными Центральными Реставрационными Мастерскими И.Э.Грабарем, не видел препятствий к полной ликвидации кладбища, о чем и сообщил Тихвинскому горсовету в письме от 18 июля 1927 г. Главнаука считала возможным допустить использование обоих храмовых зданий под культурно-строительные учреждения с сохранением в неприкосновенности их внешних архитектурных форм. Отмечалось, что проект приспособления зданий должны представить на согласование в Главнауку. Пробивка стен и расширение окон восточной части собора не допускались.

Все предметы музейного значения, включая иконостас собора, подлежали изъятию в музей, «причем особенно бережно должны быть сняты царские врата и отдельные детали резьбы как то колонки и т.п.». Иконы, которые, по мнению И.Э.Грабаря, нуждались в укреплении и реставрации, следовало отправить в Государственные Реставрационные Мастерские в Москву. Туда же отправлялась часть икон из фонда бывшего Тихвинского монастыря-музея, которые также нуждались в реставрации. По окончании работ часть этих икон обещалось возвратить в Тихвинский музей.

В настоящее время некоторые иконы и предметы Введенского монастыря хранятся в Государственном Русском музее в Санкт-Петербурге: икона «Воскресение» XIV в., напрестольный крест 1644 г., потир 1645 г. и др. Один из старинных колоколов обители находится ныне в Кирилло-Белозерском монастыре (Тихвинский край: в 4 т. – СПб., 2019. Т. 3. С. 234).

Имущество Введенского женского монастыря, не имеющее музейного значения, подлежало реализации. 60% вырученной от нее суммы должны были поступить в спецсредства Губернского музея на поддержание архитектурных памятников Череповецкой губернии.

Город Тихвин был маленьким, слухи разносились быстро. Окончательное решение по поводу ликвидации кладбища еще не было принято, а люди уже стали беспокоиться о необходимости перенесения захоронений в другое место или если не самих захоронений, то хотя бы надгробных плит. В областном архиве сохранилось заявление в Тихвинский горсовет, датированное 6 июля 1927 г., от К.Е.Аксеновой, проживавшей по адресу: ул. Советская, д. 83. В нем она просила разрешения перевезти надгробную плиту с могилы Ивана Платоновича Михайлова в бывшем Введенском монастыре на могилу его дочери Елены Ивановны Горностаевой, скончавшейся в 1925 году и похороненной на городском кладбище.

В архиве сохранилось также заявление Надежды Даниловны Шукшиной, которая обращалась в горсовет 20 июля: «По дошедшим до меня сведениям предполагается уравнение могил при Введенском кладбище. Ввиду этого прошу Горсовет разрешить мне перевезти из такового прах моей дочери Ольги Шукшиной, умершей 18 июля 1919 г.».

3 августа Президиум Горсовета обратился в управление здравоохранения санитарному врачу с требованием «составления акта и правил вывозки трупов». В тексте предписания указывалось, что «кладбище предполагается использовать для увеличения площади двора Исправтрудома», то есть тюрьмы.

5 августа со стороны Саннадзора поступил ответ, что «препятствий к ликвидации кладбища не встречается. Что же касается вывозки трупов, то таковые должны вывозиться в специально устроенных плотных ящиках. Весь процесс выкапывания и укладка в ящики трупов должен производиться в присутствии саннадзора».

28 августа специально созданная комиссия, в которую входили «от отдела городского хозяйства техник Курнич, от Горсовета т. Орлова, от Коммунальной секции т. Костюкевич, от ОУНО т. Калинин, от Уздрава т. Милешко», составила акт о том, что ею произведено освидетельствование на месте двора в бывшем Введенском монастыре. Комиссия обнаружила, что могилы были расположены при входе с правой стороны, захоронения находились и напротив Политехнической школы, бывшего сестринского корпуса. Принимая во внимание то, что кладбище уже в течение 9 лет было закрыто, имело крайне неблагоустроенный вид и стесняло двор валяющимися полуразрушенными памятниками, комиссия приняла окончательное решение о снятии памятников с могил и о перепланировке двора, что впоследствии и было сделано.

Хотя переустройство бывшего монастыря шло полным ходом, верующие не оставляли попыток вернуть его храмы для использования их по прямому назначению – служению Богу и неоднократно обращались с просьбой о пересмотре закрытия церковей в Москву, во Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК) – высший после Всероссийского съезда Советов орган государственной советской власти. Об этом свидетельствуют архивные документы того времени, хранящиеся в Череповецком центре хранения документации.

13 сентября в административное отделение Тихвинского района пришло сообщение под грифом «секретно», в котором НКВД и административный отдел исполнительного

ИЗ ИСТОРИИ ТИХВИНСКИХ МОНАСТЫРЕЙ И ХРАМОВ

Захоронения у Введенского собора.

Анна Ивановна и Иван Степанович Толмановы.

комитета «Череповецкого Губсовета Раб.Кр. и Кр. депутатов» сообщали, что просьба религиозной общины о передаче церковей бывшего Введенского монастыря Президиумом ВЦИК отклонена. Об этом надлежало сообщить верующим. При необходимости использования церковей под другие (не религиозные) надобности вопрос следовало согласовать с Главнаукой. 14 сентября эта информация была доведена до сведения председателя религиозной общины бывшего Введенского монастыря.

Но верующие не отступали. В конце сентября ВЦИК снова сообщил в президиум Череповецкого Губисполкома, что от верующих граждан г. Тихвина продолжают поступать новые ходатайства относительно пересмотра вопроса о закрытии церковей в бывшем Тихвинском Введенском монастыре.

Тогда 10 октября президиум Череповецкого окрисполкома дал указание Тихвинскому РИКу объявить группе верующих бывшего Тихвинского Введенского монастыря «под расписку», что их ходатайство Президиумом ВЦИК отклонено. Об исполнении этого указания следовало отчитаться в Череповец. Казалось бы, этим документом поставлена точка в тяжбе общины с органами власти самого разного уровня, и община Введенского женского монастыря должна была прекратить свое существование.

Но что удивительно: сохранилось еще одно небольшое свидетельство того, что община Введенского женского монастыря продолжала существовать даже в 1930 году. Это заявление в адм.отдел Тихвинского РИКа жительницы Тихвина Елизаветы Ивановны Беляевой: «С сего 26 января 1930 года прошу считать меня выбывшей из членов двадцатки Тихвинской Введенской религиозной общины, ввиду моего отъезда из города Тихвина». То есть община на тот момент еще действовала.

Есть все основания полагать, что религиозная община Введенского женского монастыря, изгнанная из своих храмов, зарегистрировалась в 1928 г. при церкви Иова Мно-

гострадалного, но так и продолжала называть себя Введенской. Что позволяет так думать?

Во-первых, арестованный в январе 1931 г. по «Делу о служителях религиозного культа» протоиерей Николай Васильевский говорит на допросе о том, что он до 1928 г. был священником Введенского монастыря, а с 1928 г. по 1930 г. служил в Иовской церкви. Как следует из материалов уголовного дела, там же служил и второй священник Введенской обители – Василий Войк. Он, скорее всего, на тот момент был настоятелем.

Во-вторых, в показаниях одного из обвиняемых по тому же уголовному делу всплывают имена председателя двадцатки Ивана Степановича Толманова и члена двадцатки Дмитрия Дмитриевича Степанова, которые в списке членов религиозной общины Введенского монастыря в 1923 г., включающем в себя 762 человека, стояли в самом начале: Д.Д.Степанов был в то время председателем совета общины и стоял под №1, за ним шли имена его жены и родителей, а следующей в списке стояла фамилия И.С.Толманова.

В-третьих, обновленческая община Спасо-Преображенского собора из-за своей малочисленности не могла содержать еще и приписаную к собору Иовскую церковь и, видимо, отказалась от нее в 1928 г. Возможностью использовать этот храм для проведения богослужений и воспользовалась община Введенского монастыря. Документальные подтверждения этому предположению еще предстоит отыскать.

Итак, Введенский женский монастырь был упразднен в 1926 г., его храмы на протяжении первого послереволюционного десятилетия то отбирались от общины, то вновь возвращались в ее пользование. В начале осени 1927 г. просьба о передаче ей церковей бывшего Введенского монастыря Президиумом ВЦИК была в последний раз отклонена, но сама община продолжала свое существование.

Светлана Старшина.